«Здравствую и поныне»

Category: Edebi makalalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
«Здравствую и поныне» «ЗДРАСТВУЮ И ПОНЫНЕ»

Поэт, критик, фольклорист Ораз Тачназаров один из тех, кто стоял у истоков туркменской советской литературы. В 1935- 1937 годах он возглавлял редакцию газеты «Совет Туркменистаны». Его стихи, поэмы «Батрак» и «Байрамали», принесшие известность молодому поэту, долгие годы были запрещены, изъяты из библиотек. А сам он объявлен врагом народа. 1937 год для Ораза Тачназарова, как и для тысяч других советских людей, стал роковым. В тот же год была арестована и его жена Елизавета Ефимовна.
Ежедневно мы узнаем новые подробности о трагических судьбах того времени. И этот очерк Аллаяра Чуриева, составленный по воспоминаниям Елизаветы Ефимовны, еще один грустный штрих нашей недалекой истории.

Мы познакомились с Оразом Тачназаровым в июне 1930 года. В Троицке, на берегу Москвы-реки находился Дом отдыха для туркмен. Нас (меня и сестру Варю) Тачмурад Оразов – наш новый знакомый. Когда он впервые увидел меня, то сказал:
– Она как-будто создана для моего друга. И тут же решил меня с ним обязательно познакомить. Так мы попали к туркменам в дом отдыха. На Ораза я сразу же обратила внимание. Статный, в белоснежных брюках и рубашке, он был очень красив. Но главное чудо происходило, когда он начинал говорить – все вдруг замолкали, будто завороженные. Когда мы отправились гулять, Ораз присоединился к нашей компании и взял меня под руку. Тогда же он и сказал слова, которые и определили всю мою дальнейшую жизнь:
– Пока буду жив, всегда буду с тобой!
Недолго мы были вместе, всего лишь шесть с половиной лет. Нет-нет! Целыхшесть с половиной лет – ведь это очень много, каждый день с таким человеком как Ораз – это целая жизнь. И все же

страшно мало, ведь Ораза не стало в 38 лет, в самом расцветет творческих сил, а пять последних лет он провел в заключении.
В те летние дни 1930 года ничто не предвещало не счастья. Ораз стал частым гостем в нашем доме. 30 июня, в день моего рождения он принес в подарок духи – первые духи подаренные мужчиной. Ораз настойчиво просил моей руки, хотя мне было только 17 лет.
Внезапно он стал собираться в Ашхабад. Он уехал сдавать поэму «Батрак» в печать; присылал оттуда трогательные письма, но ни одно из них, к сожалению, не сохранилось. Во время ареста все письма были изъяты.
Ораз писал: «Поэтому сильно причесали. Пришлось дойти до Центрального Комитета. Только ЦК дал добро на издание поэмы отдельной книгой в 1931 году».
Второй раз «Батрак» увидел свет в 1960 году.
После возвращения Ораза из Ашхабада мы справили свадьбу. Забавно вспоминать, как нас нигде не хотели регистрировать, ведь я была несовершенно летней. На наше торжество пришли Чары Веллеков с женой Галей. В это время он был секретарем ЦК комсомола, впоследствии тоже был репрессирован. Пришло много друзей Ораза, находившихся в то время в Москве.
В июне 1931 года мы приехали в Ашхабад. Луначарский поручил Оразу работу по сбору фольклора. В Ашхабаде было голодно. Помню, сколько было радости, когда Ораз достал баран. Мы приготовили ковурму: мясо отделили от костей и пережарили. Через некоторое время Ораз отправил меня к своему багирскомудругу. Там начали меня обучать туркменскому языку и вскоре я начала понемногу говорить, даже приветствовала приехавшего Ораза по-туркменски.
Затем мы вернулись в Москву, где у нас родился первый сын. Не успело нашему Арслану и 40 дней, как Ораза направили в Ашхабад – заведующим культурно – пропагандистским отделом Центрального Комитета. Жить было негде. Положение спас Г.Веселков, который предоставил нам свой дом. В это время Ораз писал поэму «Байрамали». Первая часть ее уже была издана на туркменском языке, вторую закончить не успел.
Ораз писал много критических статей – был первым литературным

критиком в Туркмении, а в 1932 году участвовал в основании Союза писателей ТССР и был первым его руководителем.
В 1934 году Ораз выступал на 1-омсъезде писателей. Делегатами от Туркмении были Георгий Веселков, Аман Кекилов, Ходжанепес Чарыев. Кстати, Чарыев тоже был репрессирован в 1937 году. Когда его вели по городу, я, прижав к себе ребенка, сидела на пороге тюремной больницы. Проходя мимо нас, он вдруг сказал:
— Лиза, к тебе большая просьба: меня отправляют в ссылку, сообщи, об этом нашим. Но никого из Чарыевых мне найти не удалось. К тому же я не знала, есть ли в Ашхабаде его родственников.
После окончания съезда был банкет. На нем присутствовали Отто Юльевич Шмидт, Максим Горький. Когда Ораз подвел меня к Горькому, тот посмотрел на меня, погладил по волосам: «Какие они прекрасные!». Ораз несколько раз был на даче у Горького, встречал там Кагановича и Ворошилова.
Ораз был разносторонне одаренный человек, с Теодором Драйзером он, к примеру, здесь же на съезде свободно общался по-английски.
В дни работы съезда Веселков перевел поэму «Батрак» на русский язык. Ее дали для ознакомления А.Фадееву. Прочитав ее, он пообещал вскоре опубликовать. В том же году книга увидела свет.
В августе 1935 года у нас родилась дочь Гульнара. В том же году проходила конференция лингвистов. Ораз выступил на ней с интересным докладом. Прибывший из Ленинграда профессор Самойлович — бывший учитель Ораза — с большим уважением отзывался о нем: Ораз — один из самых удивительных людей, встречавшихся мне среди туркмен. В Ашхабаде настоящей его цены не знают.
Профессор был прав. Здесь у Ораза было много противников.
В 1935 году на «Туркменфильме» была отснята картина «Я вернусь» по поэме «Батрак». Картина была хорошо принята зрителем. Мы поехали в Москву специально на премьеру фильма. После сеанса Ораз задержался в фойе, чтобы послушать реплики зрителей о фильме.
Помню, что в тот же приезд в гостиницу «Метрополь», где мы

остановились, пришел Борис Пастернак. В разговоре он много шутил, взял два стихотворения Ораза для перевода на русский язык. После этой встречи я видела Бориса Леонидовича еще несколько раз.
В 1936 году отмечалась годовщина конного пробега Ашхабад – Каракумы – Москва. Ораз написал Сталину письмо от имени участников пробега, Веселков перевел его на русский язык. В это же время они совместно подготовили книгу, посвященную пробегу.
В начале 1937 года, на состоявшемся торжественном собрании в честь юбилея Пушкина, Тачназарову была вручена юбилейная медаль, ковровый портрет Пушкину и присвоено звание первого туркменского советского поэта.
Так удачно начавшийся для Ораза 1937 год оборвался 21 июля. Это день его ареста. Одновременно с ним арестовали Н.Айтаков и К.Сахатова. Они вместе возвращались из театра, а дома их уже ждали.
Когда уводили Ораза, в доме все перевернули вверх дном, даже золу в голландской печи переворошили. Один матрац полностью разодрали, естественно ничего не нашли. Мы всегда жили очень скромно. В доме не было ни роскоши, ни даже особого достатка. Когда-то давно крестный отец подарил мне золотые сережки. Но позже, когда я выходила замуж, он снял их с моих ушей и отдал маме со словами:
– Жена коммуниста не должна иметь пристрастия к золоту.
На следующий день взяли и меня. В тюрьме я промучилась полгода. В августе мама привела детей прощаться со мной: она увозила их домой в Москву. Помню, как мой шестилетний сынишка сказал тогда:
– Все окнечно, все у нас отняли, а самих нас скоро выгонят на улицу. Мама, они даже игрушек не оставили…
Мойбрат работал в то время в московском отделении НКВД. Он заявил, что не позволит жить в доме отца детям врага народа. Это и определило будущее моих детей.
Однажды приехал фургон – забрали Арслана и Гульнару. Когда арестовали Ораза, Гульнаре было год и одиннадцать месяцев, она едва говорила. Детей отправили в один из детских домов. Через

некоторое время Арслана направили в поселок Березка в одесской области – там располагался специальный Дом для детей врагов народа. А с Гульнарой случилась беда: она схватила воспаление легких. Тогда отец начал хлопотать о ее удочерении и в конце концов добился разрешения: Гульнара стала носить фамилию моего отца.

Десять лет я разыскивала сына. Он нашелся, когда ему исполнилось 16 лет. Конечно, я его не узнала. Столько лет думала о нем, столько всего испытала, сколько слез пролила – не передать словами. Сначала мне вручили письмо, в котором было много неточностей:

В «1937 году меня сдали в Украинский детский дом. Отца Араза (почему-то не Ораза) Тачназарова и мать, Елизавету Ивановну (опять неточность: Елизавета Ефимовна) не помню. Знаю только, что они работали в редакции города Ашхабада. Сейчас нахожусь рядом с колхозом Украина, учусь в 5 классе. Мне уже исполнилось 14 лет. Прошу, того человека, в чьи руки попадет письмо, сообщить через ашхабадскую газету о том, что я разыскиваю родителей. Не забудьте написать мне ответ Ашхабад – моя последняя надежда. Тачназаров Арслан. 31 октября 1946 года».

История этого письма такова. Когда Берды Кербабаев по какому-то вопросу обратился в горсовет у него спросили, что известно о семье Тачназаровых.

– Елизавета Тачназарова живет в Москве. У нее есть связь с Союзом писателей СССР. Письмо надо переслать туда.

Затем был его звонок ко мне на работу: «Лиза, твой сын жив. Его письмо в Союзе писателей!»

Моя рука не удержала трубку…

Всю жизнь мы жили с чистыми помыслами, не совершали никаких преступлений, но двадцать лет считались врагами народа. То, что произошло с нами и с миллионами советских людей невозможно описать словами. Ораз не знал, что его жену, ожидающую ребенка, тоже арестовали. Ему сообщили только о рождении второго сына. Маленький Игорь родился в тюрьме, и так же, как и мы был «врагом народа». Комиссаром внутренних дел в то время был Нодев. Когда начались схватки, он сказал:

— Пусть рожает в тюрьме. Нечего врагов народа возить в роддом.
Роды были мучительные. Три дня я лежала в кровати. Только после того, как малыш родился, откуда-то привезли врача. Ребенка не во что было завернуть. Я сняла платье и запеленала новорожденного в него. Хорошо, что в камере со мной было еще несколько женщин. По политическим мотивам сюда попала только я, остальные сидели за воровство и другие преступления, но они отнеслись ко мне с состраданием: кто-то отдал свою кофту, кто-то юбку.
Однажды мне устроили очень тяжелый допрос. Меня увели, а трехмесячного сына оставили одного в камере. Не помню фамилии того следователя, что издевался надо мной. У меня шло грудное молоко — ведь я несколько часов подряд была на допросе.
«Сука…» — зло говорил мне он.
«Ваша жена — такая же женщина, как и я, несчастная. У меня есть муж, но вы меня с ним разлучили».
Не успела я закончить фразу, как мимо меня со свистом пролетела пуля. Кровь прилила к моему лицу.
Когда я в 1949 году вернулась в Ашхабад, мне захотелось попасть внутрь тюрьмы. Было интересно узнать, остался ли след на стене в той комнате, где когда-то допрашивали меня. Веселков посвятил этому грустному эпизоду моей жизни стихотворение.
После допроса я прибежала к сыну. Он весь посинел от плача. Потом в нашу камеру привели еще одну женщину с ребенком. Ее муж работал в политотделе железной дороги. Фамилию не помню. Сама она армянка, звали Розой. Ее ребенку было пять месяцев, а молоко у нее кончилось. Пока не забрали наших детей, я их обоих кормила…
Моему малышу было одиннадцать с половиной месяцев, когда его вырвали прямо из моих рук. Он уже знал много слов и кричал: «Мама, мама!».
До сих пор слышу крик моего малыша, когда его уносили. Еще два месяца подряд у меня не убывало молоко, я ходила вся выпачканная в нем. И вдруг молоко пропало. Это было 24 октября 1938 года. В тот день ко мне пришел управляющий и спросил:
— Как себя чувствуете?

— Удивительно — ответила я, — сегодня у меня пропало молоко.
Ничего больше не сказав, он вышел. Оказывается в тот день у меня умер ребенок.
24 января 1939 года, через три месяца после смерти меня выпустили. Я сразу же побежала домой к матери. Там меня ждало страшное известие: моего маленького Игоря уже не было в живых. Мне рассказали, что он ничего не хотел есть, кроме черного хлеба, только это и поддерживало его. Он все время кричал: «Мама, мама!», а потом: «Нет! Нет!» В конце концов его свалила болезнь. Умер он в больнице, и до последней минуты все звал: «Мама, мама!»
В Москве меня долго не прописывали. Я была в отчаянии и не знала, что предпринять. И вот, в день рождения Сталина я пришла в милицию и обратилась к начальнику:
— Поздравляю Вас с днем рождения Сталина, подпишите вот это.
И, удивительно, он подписал. Таким образом я стала жить в доме отца, в доме, где я родилась и выросла. Считаю, что случай с пропиской — редкая удача, ведь за двадцать лет, пока были «врагами народа», мы испытали всю тяжесть изгнания. Больше всего страдали дети: им пришлось столько лет носить клеймо детей врагов народа, постоянно ощущать свою неполноценность…
После заключения Ораза взяли и других родственников. Два его брата скончались в лагерях, только старший вернулся домой. Отец Ораза вынужден был переезжать из села в село, спасаясь от ареста…
Тачназарову приписывали национализм. На допросах я приводила веский аргумент: «Если бы Ораз был националистом, он не женился бы на мне». Но у них на все был ответ: «Ничего, рано или поздно он бы тебя все равно зарезал». Когда Ораза реабилитировали, у меня начались горькие и вместе с тем счастливые хлопоты по восстановлению его в партии, в Союзе писателей. Как реликвия хранятся у меня эти документы.

«На состоявшемся 18 марта 1959 года бюро ЦК КПТ по нашему обращению в отношении Ораза Тачназарова принято решение восстановить его в партии посмертно. Председатель партийной комиссии ЦК КПТ Назаров».

«6. 11. 59. Г. Копия протокола № 2 расширенного заседания правления Союза писателей ТССР. Участвовали: Сейитлиев, Сейтаков, Атаджанов Халдурды, Эсенова, Курбансахатов, Кербабаев, Ковусов. Слушали: О восстановлении члена Союза писателей тов. Тачназарова Ораза.
Решено: принимая во внимание, что военная коллегия Верховного суда СССР оправдало 24 октября 1957 года тов. Тачназарова, необходимо посмертно восстановить его права члена Союза писателей СССР. Для содействия отправки ценных документов в Литфонд СССР, предоставленных детьми Тачназарова –Гульнарой и Арсланом. Председатель правления Союза писателей ТССР Кара Сейтлиев».

У меня хранится членский билет Союза писателей СССР. Он подписан еще Горьким. Это билет № 79 выданный Оразу 1 июня 1934 года. Говорят, все пере терпится, перетерпела и я и продолжаю жить, но мои воспоминания о пережитом всегда со мной.
Наш сын – Арслан живет в Магадане, дочь Гульнара в Москве. Она окончила Ашхабадский мединститут и 29 лет проработала врачом. У нее уже взрослые дети – дочь и сын. Дочь Гульнары – логопед, сын после окончания института химии работает в военной академиии. У меня уже три правнука. Сын Арслана Владимир живет в Симферополе. Учится в институте, работает электротехником на стройке. Говорят, что лучшая память об отце – достойные дети. Именно такими я и воспитала детей Ораза Тачназарова.

А.Чуриев.

«Юность» № 10, 1989 год. Edebi makalalar